

Рябичкина Г. В.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. Д. БОНДАЛЕТОВА: К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА УСЛОВНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/56.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 147-151. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

образных «арго эзотерического назначения», носители которых характеризуются лексическим двуязычием или «словарно-семантическим билингвизмом», существующим в условиях единого грамматического и фонетического строя русского языка.

В зависимости от природы (происхождения), назначения, языковых свойств и особенностей функционирования В. Д. Бондалетов разграничивает все условные языки на четыре комплексные группы:

1) собственно профессиональные «языки», представленные их лексическими системами: охотников, рыболовов, сапожников, деревообделочников, гончаров, шерстобитов;

2) групповые, или корпоративные, жаргоны: солдат, спортсменов, студентов, школьников и других, преимущественно молодежных, групп;

3) условно-профессиональные языки (арго) торговцев, ремесленников-отходников и смежных социальных групп;

4) условные языки (жаргоны, арго) деклассированных элементов.

В данной классификации условно-профессиональные арго характеризуются двумя специфическими чертами, отличающими их от других социальных диалектов. Условно-профессиональные арго выполняли в равной мере две взаимосвязанные коммуникативные функции: а) конспиративно-эзотерическую функцию, отличающую эти арго от чисто экспрессивных жаргонов, типа студенческого или школьного, и б) эмоционально-экспрессивную функцию, отличающую эти арго от чисто секретных кодов, выполняющих только эзотерическую функцию конспирации и засекречивания коммуникации.

По отношению к другим формам существования языка условные языки, по мнению исследователя, занимают промежуточное положение между подлинно искусственными секретными кодами - преднамеренно и сознательно сконструированными или изобретенными семиотическими системами, включая также и языки типа эсперанто или новиньяль, и естественными, или «природными», языками. При этом характер эзотерической искусственности и преднамеренности, наиболее очевидный в сфере арготического словообразования (см. приведенные ниже примеры), заметно ослабляется в сфере реального живого употребления этих арготизмов, поскольку функционирование условных арго в значительной мере отражает жизнь и развитие обычных языков.

Вместе с тем, слова условно-профессиональных арго, по свидетельству исследователя, обладают заметной спецификой, отличающей их от слов общенародного языка, что позволяет выделить следующие номинативные, в наших терминах, типы арготизмов.

1. Словарные арготизмы - слова, имеющие непроизводную или производную основу, которая отсутствует в соответствующем слове общенародного языка; например: *воксарь* 'лес', *чукас* 'бог', *чукасница* 'церковь'.

2. Словообразовательные арготизмы - слова, имеющие общую с соответствующими словами общенародного языка корневую морфему и несходные аффиксы; например: *вилчоха* 'вилка', *кадѣха* 'кадка', *пек(ч)ура* 'печь'.

3. Словарно-фонетические арготизмы - слова общенародного языка, чей фонетический облик преобразован определенным механическим способом «маскировки»; например: *векчело* 'человек', *илкабу* 'булка', *фильто* 'пальто', *шумать* 'думать'.

4. Фонетико-морфологические арготизмы - слова общенародного языка, которые отмечены изменением их фонетической формы и морфологического типа (рода, класса и т. п.); например: *прохтать* 'просить', *саблук* 'сало', *садомка* 'сад', *хвостерка* 'хвост'.

5. Фонетико-словообразовательные арготизмы - слова, механическая фонетическая зашифровка которых приводит к преобразованию в их морфологической структуре и транспозиции слова из одной части речи в другую; например: *книжконная* 'книга', *тележная* 'телега', *хомутѣжный* 'хомут', *четырун* 'четыре'.

6. Семантические арготизмы - слова общенародного языка (и, реже, диалектов), которым приписано особое «условное» значение; например: *аршин* 'купец', *домовой* 'мельник', *стрелец* 'огурец'.

7. Семантико-грамматические арготизмы - слова, общенародного языка, которые в процессе своей арготизации изменяют как свое значение, так и свою членораздельную принадлежность; например: *горькая* 'редька', *крулый* 'год', *светлый* 'месяц', *сидячий* 'стул', *скрипучая* 'дверь'.

8. Сункциональные арготизмы - слова родного языка, характеризующиеся в нем ограниченной сферой функционирования и по этой причине употребляемые носителями арго для придания их речи определенной «условности» - непонятности для посторонних; например: *пицаль* 'ружье', *хурманка* 'телега', *ясать* 'делать'.

В связи с этим В. Д. Бондалетов особо указывает на следующие различия воровского жаргона («блатной музыки»), в наших терминах, уголовного арго и условно-профессиональных арго:

1) «блатная музыка» содержит, главным образом, эмоционально-экспрессивные слова, а условно-профессиональные языки - экспрессивно-нейтральную лексику;

2) воровской жаргон характеризуется активным использованием метафорических и метонимических образований и слабым использованием «механических» приемов маскировки слов; для условно-профессиональных языков, напротив, формальная маскировка слов очень продуктивна, включая заимствования из более чем 20 индоевропейских, финно-угорских и тюркских языков, а процессы семантического словопроизводства не характерны (они составляют не более 3 % всех арготических новообразований).

Эти специфические черты условно-профессионального арго оправдывают, по мнению ученого, его выделение в особый тип социальных диалектов, отличный от арго деклассированных - воровских жаргонов по их (а) словарно-понятийному составу, (б) стилистико-экспрессивной окрашенности слов, (в) способам слово-

творчества, (г) качеству «специализации» - «преступной» для воровского словаря и «мирной» для лексики условно-профессиональных языков ремесленников и торговцев.

Далее В. Д. Бондалетов уточняет, что условные языки (арго), как особый тип социальных диалектов, обладает значительным по количеству набором слов, которые вследствие своей непонятности непосвященным служат средством лексического засекречивания речевого общения между членами обособленных социальных групп, общения, построенного на основе грамматики родного языка говорящих; например: *Декни массу крутихи с филозой* 'дай мне каши с маслом'.

В этой связи исследователь отмечает, что в качестве общего признака всех языковых образований, включаемых в категорию социальных диалектов, выступает ограниченность их социальной основы. Социальные диалекты функционируют как дополнительные средства общения не всего народа, что свойственно литературному языку, и не всего региона, что присуще территориальным диалектам, а отдельных (в наших терминах) социумов носителей русского языка, представители которых обладают определенными социально-сословными, производственно-профессиональными, групповыми и возрастными признаками.

По своей природе социальные диалекты происходят из социально-сословной, профессиональной, социально-возрастной и социально-половой или профессионально-половой, а также культурно-эстетической дифференциации общества, представляющей его «вертикальное» членение. Они всегда функционируют совместно с другими формами существования языка - литературным языком, территориальными диалектами, городским койне, просторечием, которые выступают по отношению к социолектам в качестве первичных, основных или опорных языковых форм, а социальные диалекты - в качестве дополнительных форм, которые могут быть как профессионально необходимыми, так и факультативными, например, жаргон.

Термином «просторечие» применительно к объектам современного синхронного состояния языка, по мнению В. Д. Бондалетова, могут обозначаться следующие формы существования национального русского языка:

- 1) внелитературное просторечие, представленное общенародными наддиалектными средствами разговорной речи, находящимися вне литературного языка;
- 2) литературное просторечие, представленное сниженными, грубоватыми элементами литературного языка.

Здесь исследователь рассматривает просторечие как историческую категорию, как форму существования языка, как один из компонентов национального русского языка, противостоящий нормам литературного языка и отличающийся от него на всех языковых уровнях - лексико-фразеологическом, морфологическом и фонетическом. Просторечие - это языковая структура, включающая в себя элементы, не обладающие социально-профессиональной или территориальной закрепленностью, а также единицы областного, арготического и жаргонного происхождения, получившие повсеместное распространение в общем обиходе.

Рассматривая происхождение русского арго, В. Д. Бондалетов кратко затронул важный для социолексикографии аспект изучения условно-профессиональных арго - историю его происхождения и регистрации в различных рукописных источниках и опубликованных лексикографических справочниках. В этом отношении для нашего исследования значимы следующие позиции, относящиеся к самому раннему периоду регистрации условно-профессиональных арго.

1. Первое достоверное известие о существовании русского арго содержится, по утверждению В. Д. Бондалетова, в этнографических записках голландского купца Исаака Массы (1587-1635), относящихся к началу XVII века, в которых русское арго соотносится с описанием действий казацких повстанцев на Дону и в Поволжье по предводительством И. И. Болотникова. Однако, к сожалению, ни И. Масса, ни В. Д. Бондалетов не приводят примеров этого арго.

В связи с этим целесообразно обратиться непосредственно к тексту записок И. Массы, полное наименование которых «Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей» позволяет уточнить, в наших терминах, следующие факты: (1) время функционирования этого арго, а сам текст - (2) этнический и (3) социальный состав, иерархическую организацию, внутрисоциумные связи и деятельность носителей этого условного языка, (4) бытовавшее тогда его название и (5) область его возникновения и распространения.

Эти пять очень важных социолингвистических аспектов, необходимых для социолексикографического описания данного арго, представленные в изложении И. Массы не требуют дополнительных комментариев: «Эти казаки различных племен..., из Московии, Тататрии, Турции, Польши, Литвы, Корелии, и Неметчин..., говорят по большей части по-московски, но сверх того между собой они употребляют особый язык (*bysonder gemaecte spraecke*), который они называют «отверница» (*Otvernitz*), и это народ - по большей части бежавшие от своих господ холопы (*lyfeygene knechten*), плуты и воры, и различные бездельники (*boeven*), и поселяются они главным образом в татарских степях, близ реки Волги, также неподалеку от Дона (*Donauwe*) и Борисфена [Днепра] и переходят с места на место и строго соблюдают между собою справедливость и добрый порядок, сами избирают себе начальников, коим беспрекословно повинуются, и называют их атаманам (*Otto-manni*) по народу, от которого происходят турки.... Эти казаки служат за деньги почти всем государям, которые их призывают, а также без денег, ради одного грабежа» [Масса 1937: 77].

Вторым по времени своего появления В. Д. Бондалетов считает известие об «отверницкой», или «отвращенной», речи Кричевских мещан, портных и других мастеровых людей, содержащееся в рукописи Андрея Мейера, управляющего одного из потемкинских имений на территории современной Могилевской области: «Описание Кричевского графства или бывшего староства Гр. Ал. Потемкина, в ста верстах от дубровны,

Между Смоленскою и Могилевскою губерниєю» [Мейер 1786].

В этой связи целесообразно привести примечание, сделанное А. А. Морозовым, выполнившим перевод указанного выше сочинения И. Массы и написавшем к нему вводную статью и примечания, к термину «отверница» в тексте перевода рукописи. В этом примечании приводится цитата из рукописи А. Мейера, в которой имеются важные для социолексикографии социолингвистические и социолексикологические сведения о (1) социуме носителей и (2) происхождении этого арго и дается своеобразная лингвистическая характеристика этого наречия, в частности, (3) особенностей арготического словотворчества, нацеленного на (4) засекречивание речевой коммуникации. Приводимое ниже описание «отверницы» не требует дополнительных комментариев: «Отверница - или отверническое наречие - названия условного или тайного (искусственного) языка. Засвидетельствована в рукописи 1786 г. Андрея Мейера, Описание Кричевского графства или бывшего староства. См. «Могилёвская старина», Вып. 2, Могилёв - 1901, стр. 8—137: «Сие наречие, подобно многим российским, а особенно суздальскому, введено в употребление празднующающимися и в распутстве жившими мастерами, которые, привыкнув уже к лености и пьянству, принуждёнными находились для прокрамливания своего оное выдумать и сплесть, дабы посторонние их не разумели и они всех тем удобнее обкрадывать и мошенничать могли. Оно не основано ни на каких правилах и, кроме множества произвольно вымышленных, состоит из переломанных немецких и латышских слов. Употребляемая между ними таковая речь называется здесь отверницою или отвращенною (стр. 90). По-видимому, этот язык складывался не столько из чужеземных слов, сколько из слов своего языка, но с «отворачиванием» слогов, перестановкой их и заменой и вставкой различных частиц (Ку, Хер, Шаце и т.д.)» [Масса 1937: 194].

По подсчетам В. Д. Бондалетов в рукописи А. Мейера содержится около 60 арготизмов, записанных целыми высказываниями; например: *Хлизь в хаз, а то Сергей смакиунит*. 'Иди в избу, а то дождик замочит'. *Гримус закосает*. 'Гром убьет'. *Клёво кургает*. 'Хорошо поет'. *Манёк химшаает*. 'Мой брат хворает'. *Клёо копси и по лауде*. 'Хорошенько ударь по голове'. *Еперь у каврюка чуху*. 'Укради у господина шубу'.

1. Третьим по времени значительным лексикографическим собранием условно-профессиональных арго В. Д. Бондалетов отмечает «Сравнительный словарь всех языков и наречий...» академика П. С. Палласа, где зарегистрировано, по подсчетам исследователя, более 100 арготических слов (по свидетельству Д. С. Лихачева, около 200 с пометой («посуздальски» [Лихачев 1993: 139]; здесь автор приводит примеры: *бусать* 'пить', *грызык* 'зуб', *миндра* 'сестра' и уточняет, что г. Суздаль - это прежний центр офенского края.

2. Наибольший всплеск активности по сбору и регистрации различных условно-профессиональных арго приходится на весь XIX век и на самое начало XX века. Здесь В. Д. Бондалетов отмечает следующие материалы из списков и словарей арго: 1) слова «галивонского» арго «особого» галичского наречия, собранных в 1816 г. Ф. Глинкой; например: *лабута* 'мужчина', *каривос* 'девушка', *крутко* 'отец', *мамыса* 'мать'; 2) материалы из опубликованных в 1820-1822 гг. в «Трудов общества любителей российской словесности», представляющих офенские наречия Углича, Нерехты, Галича, Кашина, Бежецка, Вязниковской округи, Владимира; 3) материалы из опубликованной в «Отечественных записках» в 1839 г. статьи И. И. Срезневского «Афинский язык в России», содержащей списки офенских слов и целые тексты; 4) из множества последующих работ отмечается следующие лексикографически наиболее важные исследования и собрания условных арго: а) «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем Музыки или байкового языка» [Даль 1842—1854]; б) «Словарь офенского языка» [Даль 1850-е]; в) «Словарь русско-офенский» [Даль 1854-1855]; г) «Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда Минской губернии, местечка Семежова» [Сцепцуру 1881]; д) «Брянские старцы. Тайный язык нищих» [Тиханов 1895]; е) «Список слов портновского языка» [Чернышев 1898]; ж) «К вопросу об условных языках» [Шейн 1899]; з) «Черниговские старцы. Псалки и криптоглоссон» [Тиханов 1900]; и) «Словарь условных языков в некоторых местностях губерний: Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской, Смоленской, Калужской, Тульской, Самарского края и воровского языка петербургских мазуриков» [Смирнов 1901]; к) «Мелкие торговцы г. Кашина и их условный язык» [Смирнов 1902]; л) «Галивонские Алеманы. Условный язык галичан» [Виноградов 1915]; м) «Условный язык орловских шорников» [Котков 1949].

3. Сравнительно-сопоставительный анализ более 70 разновидностей русских условных арго позволил В. Д. Бондалетову выделить определенный общий фонд офенской лексики, хронологически предшествующей многообразным последующим арготическим пластам, которые наслаивались на этот базовый фонд в процессе самостоятельного развития, формирования и функционирования отдельных специальных условно-профессиональных арго. Ученый рассматривает данный исходный офенский лексический фонд в качестве основного источника возникновения и становления всех дошедших до современности русских условных языков. Развивая эту идею происхождения русского условно-профессионального арго исследователь отмечает наличие материального сходства не только русских арго, но и всех разновидностей восточнославянских арго - русских, украинских и белорусских, а также польских арго, поскольку во всех этих арго присутствует общий генетический слой арготизмов. В качестве этого общеславянского генетического слоя арготизмов выступает, по мнению автора, вышеназванный офенский лексический фонд, вобравший в себя наиболее ранние иноязычные заимствования и арготизмы восточнославянского происхождения. Этот факт дает основания предполагать, что все восточно-славянские условно-профессиональные арго, включая и русские условные арго, разными прямыми или косвенными путями восходят к «протоофенскому лексическому фонду, который сложился еще в древний период этноязыкового единства восточнославянских народов.

Список использованной литературы

1. **Бондалетов В. Д.** Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1966. - 28 с.
2. **Бондалетов В. Д.** Условные языки русских ремесленников и торговцев. - Рязань: Рязанский гос. пед. ин-т, 1974. - Выпуск первый. Условные языки как особый тип социальных диалектов. - 111 с.
3. **Бондалетов В. Д.** Условные языки русских ремесленников и торговцев: словопроизводство. - Рязань: Рязанский гос. пед. ин-т, 1980. - 104 с.
4. **Бондалетов В. Д.** Социальная лингвистика: Учеб. пос. - М.: Просвещение, 1987а. - 160 с.
5. **Бондалетов В. Д.** Типология и генезис русских арго: Учебное пособие к спецкурсу. - Рязань: Рязанский гос. пед. ин-т, 1987б. - 84 с.
6. **Бондалетов В. Д.** В. И. Даль и тайные языки в России. - М.: Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2004. - С. 151-157, 158—171.
7. **Лихачев Д. С.** Статьи разных лет: Сборник. - Тверь: Тверское областное отделение Российского фонда культуры, 1993. - 146 с.
8. **Масса И.** Краткое известие о Московии в начале XVII в. // Иностранцы путешественники о России. - М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. - 208 с.
9. **Мейер А.** Описание Кричевского графства или бывшего староства Гр. Ал. Потемкина, в ста верстах от дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губернею. 1786 г. Рукопись. Хранится в библиотеке Казанского университета. - № 1554.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК ПОСРЕДНИКИ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И КУЛЬТУРОЙ

*Савойская Н. П.**Костанайский государственный университет*

Концепты формируются в процессе различных способов обыденного познания: чувственного опыта, практической, познавательной и мыслительной деятельности человека, а также в процессе вербального и невербального общения, при этом наиболее полное, всестороннее образование концепта происходит при сочетании разных форм деятельности. Первоначально концепт формируется в процессе чувственного опыта человека и выражается, как правило, словом; далее, по мере расширения масштабов деятельности, значение концепта усложняется. С. Г. Воркачев, называя концепт “ментальным образованием, отмеченным лингвокультурной спецификой” [Воркачев 2001: 67], наводит на мысль о влиянии культурной базы на содержание концепта. Поскольку словесное оформление в языке получают только значимые для человека феномены культуры и цивилизации, то ценным лингвокультурологическим материалом являются концепты, нашедшие отражение во фразеологических единицах, идиомах, клише, пословицах и поговорках, афоризмах, благодаря которым мы узнаем о специфике мировидения того или иного народа, об особенностях их познавательного опыта. Кроме того, фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы образны, благодаря чему определенные концепты получают в них наиболее полное и глубокое освещение.

Этнокультурную направленность носит понимание концепта В. В. Воробьевым и Л. Г. Саяховой, по определению которых, концепт - “это структурно и образно организованное знание определенного социума о каком-либо явлении духовной или материальной культуры, реализующееся через пространство связанных между собой языковых знаков” [Воробьев, Саяхова 2006: 66]. Такая трактовка переводит концепт в ценностно-культурную сферу.

По мнению Н. Д. Арутюновой, на формирование концептов влияет ряд факторов обыденной философии: система ценностей, традиции, народное творчество, искусство, жизненный, чувственный опыт, религия, при этом концепты образуют “своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром” [Арутюнова 1993: 3].

Ю. С. Степанов определяет концепт как “сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека” [Степанов 2001: 43]. По мнению ученого, у концепта есть и вторая сторона - “то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее” [Степанов 2001: 43].

На отличительные особенности лингвокультурного концепта обращают внимание В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин. По их мнению, “лингвокультурный концепт - это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры” [Карасик, Слышкин 2001: 75]. Поскольку концепт - ментальная единица, следовательно, он находится в сознании человека; он абстрактен, идеален по своей природе, а материализуется он в языке, речи. Концепт отражает культуру народа, включая различные ее элементы. Эта схема не может считаться абсолютно точной, в силу многоаспектности понятий “культура”, “сознание” и “язык”, а также сложности их соотнесения (и сознание, и культура находят свое отражение в языке и, в то же время, формируют язык). Таким образом, для когнитологов концепт интересен как единица мышления человека, в то время как для лингвокультурологов особую ценность представляет культурная информация в содержании концепта.

Концепт, реализуясь в языке, приобретает лексическое имя, название, а также ряд ассоциаций, которые носители языка связывают с главным именем. Ассоциации активизируют концепт в сознании человека, при этом одна и та же ассоциация может стимулировать различные концепты в сознании разных людей, так же